

红狐丛书·东欧卷
割裂与伤痛的记忆

Paper Dreams

Arkadii Dragomoshchenko

纸梦

[俄罗斯] 阿尔卡季·德拉戈莫申科

刘文飞译

江苏凤凰文艺出版社
JIANGSU PHOENIX LITERATURE AND
ART PUBLISHING LTD

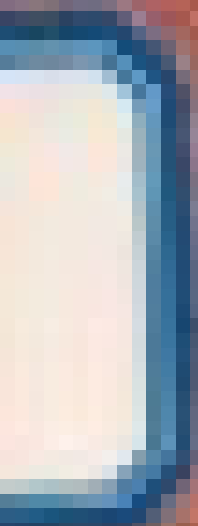
Paper Dreams

Amelia Grayson

www.facebook.com/paperdreams

10/10/10

纸 梦

[俄罗斯] 阿尔卡季·德拉戈莫申科

刘文飞 译

Paper Dreams

Arkadii Dragomoshchenko

江苏凤凰文艺出版社
JIANGSU PHOENIX LITERATURE AND
ART PUBLISHING, LTD

图书在版编目 (CIP) 数据

纸梦：俄汉英对照 / (俄罗斯) 阿尔卡季·德拉戈莫申科著；刘文飞译. — 南京：江苏凤凰文艺出版，2018.1
(红狐丛书. 割裂与伤痛的记忆)
ISBN 978-7-5594-1385-7

I. ①纸… II. ①阿… ②刘… III. ①诗集—俄罗斯—现代—俄、汉、英 IV. ①I512.25

中国版本图书馆 CIP 数据核字(2017)第 272984 号

书 名 红狐丛书·割裂与伤痛的记忆：纸梦

主 编 北 岛

著 者 (俄罗斯)阿尔卡季·德拉戈莫申科

译 者 刘文飞

责任编辑 于奎潮 王娱瑶

特约编辑 薛 倩 傅春晖

装帧设计 周安迪

出版发行 江苏凤凰文艺出版社

出版社地址 南京市中央路 165 号，邮编：210009

出版社网址 <http://www.jswenyi.com>

印 刷 南京新洲印刷有限公司

开 本 787×1092 毫米 1/32

印 张 1.75

字 数 22 千字

版 次 2018 年 1 月第 1 版 2018 年 1 月第 1 次印刷

标准书号 ISBN 978-7-5594-1385-7

定 价 60.00 元 (全八册)

(江苏凤凰文艺版图书凡印刷、装订错误可随时向承印厂调换)

Элегия на восхождение пыли	1
Ludwig Josef Johann	11
Бумажные сны	17
Политику	32

目 录

扬尘之哀歌	4
Ludwig Josef Johann	13
纸梦	22
致政治家	35

Contents

Elegy on Rising Dust	7
Ludwig Josef Johann	15
Paper Dreams	27
To a Statesman	38

Элегия на восхождение пыли

...восходит ме длнно,
течет однообраз но.

Пока, одетый глубиной оцепененья,
невинный корень угли пьет зимы
(как серафимы жрут прочь вырванный язык,
стуча оконными крылами),
и столь пленительны цветут — не облаков —
системы сумрачные летоисчислений.

Весы весны бестенны, как секира мозга,
и кровь раскрыта скрытым превращеньям
как бы взошедшего к зениту вещества,

откуда вспять, к надиру чистой речи,
что в сны рождения уводит без конца
и созерцает самое себя в коре вещей нерасточимых.
Да будет так: в скольжении стрижа.

В мгновенье ящерицы, прянувшей из тени, —

разрыв как вдох тогда, не знающий греха,
двоенья нить пряма, в единство уводима;
разрыв как выдох или различенье,
чьи своры означающих, дрожа,
в неосязаемом и хищном рвеньи
узоры исключений сухо ткут.

Пока все равенство не тронута громами,

червями молний, раздирающими ткани
на рыбы пряди жажды, камеди и гари
у дельты севера дотла прозрачных рек,
озер запавшие, дичающие чаши
извечным сочетаньем капиллярной влаги
срастили, похищая, знаки дня и дна,
сосну повергнув в пристальность песка
и паутиною подобий связав бездонный ветра свод
с ресничной колкою войною
в труде скалистом животворной ночи,
морские травы чьи издревле проникают
слои богов, изустные, в смещении стихий,
а также бирюзу между огнем и домом,
что наваждением восторга вновь томим.

Весны истории... История весны —
Куда как дар сей бестолков и скуден,
и несмотря на то величием сравним
подчас с могучей статью раскаленной пыли,
с блистающей, язвящей чешуей
в зеркальных брызгах воскресенья
(признание следует: элегии... закон...),
или со смыслом, пренебрегшим мыслью, —

в лавине шелеста и жадных величин,
простертых сетью инея, числом неодолимый,
он веществу конец догадкою окна,
в котором пьяные от зноя облака
стоят в предвосхищеньи темных ливней.

В течение шелеста, в скольжении стрижа.

«Я не ищу пощады». — Теплится едва
по краю наслаждения строкою,
сшивающий не это и не то.

Пусть будет ночь следа прозрачна, как слюда,
опущенная в ночь. Пусть будет ночь залива
как холст, что равновесием расшит —
слюною шелка с коконов умерших,

но тождества весны! Сны языка огромны.
И пыль, по ним скитаясь вне имен,
восходит медленно простым развоплощеньем,

неуловима и бессонна, как «другой»,
в словесном теле чьем «я» западней застыло.

扬尘之哀歌

……它缓慢扬起，
单调地流淌。

此时，身着倦怠之深刻，
无辜的根饮用冬天的煤，
(如天使吞噬伸出的舌头，
扇动窗户般的双翼)，
花儿开得多么诱人，不是云，
是计数岁月的阴郁体系。
春的天平无暗影，像斧劈大脑，
鲜血敞向隐在的变化，
像一个升向顶点的物，

然后又落回纯粹话语的天底，
领人进入无止境的诞生梦，
在完整物质的外壳中静观自我。
但愿如此：在雨燕的滑行。
在跃出阴影的蜥蜴的瞬间，——

裂痕像不知罪过的吸气，
分割的线笔直，走向统一；
裂痕像呼气或区分，
他那群说明者颤抖着，
怀着难以捉摸的肉食激情，
枯燥地编织例外的图案。

趁平衡尚未被雷声触动，
被撕扯织物的闪电蛆虫触动，
撕成渴望、树汁和煤渣的碎片，
在清澈河流的北方三角洲，
湖的低处，荒芜的碗，
以毛细血管水分的古老组合
编织，劫走岁月和湖底的符号，
把松树插入沙土的专注，
用相似的蛛网将风的无底苍穹
与睫毛的刺人战争相捆绑，
在生机勃勃夜晚的陡峭劳作中，
海洋的草自古渗入
神祇的地层，在元素的位移中口授，
还有火与房屋间的绿松石，
我们再次因喜悦的强迫而难受。

历史的春天……春天的历史——
这份赐予多么杂乱微薄，
尽管我们立即用庄严
比拟炽热尘土的强大身躯，
比拟复活的镜子飞沫中
闪亮、有毒的鳞片
(应该承认：哀歌……法律……)
或比拟意义与忽视的想法，——

在窸窣和贪婪巨人的洪流，
伸出霜的网，难以计数，
它是物的终结，像窗的谜语，
因云的暑热而醉的人
站着防备黑暗的暴雨。

在窸窣的洪流，在雨燕的滑行。

“我不寻求宽恕。”稍有暖意，
针脚滑过快感的边缘，
缝起了非此和非彼。
但愿痕迹的夜透明如云母，
落入黑夜。但愿海湾的夜
如画布，绣满平衡——
从死者之茧中流出的丝绸唾液，

但春天的身份！语言的梦巨大。
尘埃，无名无姓地滑过梦，
缓慢地扬起，像普通的化身，

如“他者”难以捉摸，无梦，
在其语言躯体中，“我”像一个陷阱。

（刘文飞译）

Elegy on Rising Dust

*...it rises slowly,
monotonously flows.*

Meanwhile, wrapped in the depths of lethargy,
An innocent root drinks the winter's coals
Just as seraphim devour the torn-out tongue
clapping their glassy wings
And how compelling is the blooming—not of clouds—
Of murky systems for calculating time
Spring's scales are shadowless like the brain's axe-head
And blood is revealed in concealed transformations
As if it were a substance rising to the zenith

Then falling back to the nadir of pure speech
That leads off endlessly to dreams of birth
And contemplates itself in the husk around essential matter.
Like so: in the gliding of the swift
In the instant the lizard darts from the shade—

A rift, like the breath drawn in, immaculate,
Division's thread leads straight to unity;
A rift, like the breath released, or distinction,
Whose packs of signifiers, quivering, in intangible
and predatory ardor
Coldly weave a pattern of exceptions.

Meanwhile the equilibrium is unaffected by the thunder,

By worms of lightning tearing the fabric
Into piscine strands of craving, sap and cinders
at the delta of the northern sheer transparent rivers
The sunken
bowls of the lakes grown wild

With ancient configurations of capillary moisture
Intertwine, snatching away any sign of light and depth,
Plunging the pine into the sand's precision
And binding the unplumbed dome of wind in a web of
resemblances
With the eyelash fighting
In the rocky labor of life-giving night

Sea grasses which from earliest times penetrate
The strata of gods told in a merging of elements
And also the turquoise barrier between the fire and the house
Which we again disturb with the illusion of delight.

The spring of history... The history of spring—
So senseless and meager a gift!
And nonetheless at times it is equal in grandeur
To the powerful form of raging dust

To glittering, poisonous scales

in the mirrored splashing of resurrection—
here a confession follows: the law... of the elegy...
Or to sense, rejecting thought

In an avalanche of rustling and voracious magnitudes
Spreading a net of crystal frost, unnumbered
It is the end of matter, the window's riddle
In which clouds drunk from heat
hang in anticipation of dark downpours.

In the floating rustle, in the flight of swifts...

"I don't ask for mercy." It is barely warm
along the fringe of delight with the line
Tying what's not this to what's not that.
Let there be a God of the trace, transparent as mica,

Lowered into the night. Let there be a God of the bay
Like canvas embroidered with equilibrium—
with silk saliva
from cocoons of the dead.

But the identities of spring!
Enormous
dreams of language.

And dust, drifting through them beyond words,
is rising slowly, a simple incarnation,
Elusive and unsleeping as "the other"
In whose verbal body "I" is set like a trap.

(Translated by Lyn Hejinian)